

ЛЮДМИЛА РЯЗАНОВА,

кандидат философских наук, докторант
отдела массовых коммуникаций Института
социологии НАН Украины

Религиозный ренессанс: попытка социологической диагностики

Abstract

The last decade of the 20th century revealed a rise in religious beliefs in Ukrainian society. Analyzing the religious social and historical context, the author stresses influence of the social trauma, like anomie, crisis of identity and legitimacy, civilization incompetence. Special attention is paid to secularization and post-modern culture effects on religious actualization. Sociological data prove the fact of religious renaissance although they reveal cognitive dissonance in consciousness of believers, weak interiorization of religious values, their religious incompetence. Therefore we cannot expect that any rise in religious beliefs will be sufficient for overcoming crisis and its consequences.

Одной из парадоксальных особенностей модернизации в странах постсоветского пространства является массовое обращение к религии, масштабы которого позволяют назвать его религиозным ренессансом. Этот феномен проявился в динамическом росте религиозных организаций и количества людей, определяющих себя как “религиозные”. О религиозном ренессансе говорят и пишут много и противоречиво. Попробуем и мы высказать собственную точку зрения по этой проблеме, дать обобщенную оценку ситуации, учесть многообразные факторы, репрезентирующие исследуемое явление, провести социологическую экспертизу. Вместе с тем хотелось бы прояснить источники и суть парадокса, заключающегося в том, что такие страны, как Украина и Россия, где, по данным разных социологических мониторингов, верующими себя считают 50–70% населения, захлестнула волна организованной преступности, насилия, самоубийств. А ведь здесь доминирует христианство, моральные заповеди которого просты и недвусмысленны: не убий, не укради, возлюби ближнего своего как самого себя.

Обращаясь к поставленной проблеме, нельзя ограничиться только социологической диагностикой: статистикой роста и динамикой изменений конфессионального пространства, данными мониторингов. На наш взгляд, полноценный дискурс требует погружения в исторический контекст. Необходимо также выяснить особенности социально-психологического самочувствия общества, той многомерной жизненной среды, в которой внезапно внушительная часть населения осознала свою религиозность.

Социально-исторический контекст религиозного ренессанса

Прежде всего, вспомним, что в духовной жизни советского общества монопольное место занимал схоластический, догматический марксизм советского образца, в основании которого лежала материалистическая картина мира, в значительной мере целостная и универсальная, включающая в себя достаточно агрессивный атеизм. Эта мировоззренческая система активно транслировалась идеологическими институтами, средствами массовой информации, воспроизводилась через систему образования. И надо признать, ее научно-материалистическая составляющая стала доминантой коллективного и персонального сознания, что не относится к идеологемам, от которых основная часть населения успешно дистанцировалась, не включая их в ценностные ориентиры. Вместе с критикой и последующим разрушением политической системы тоталитаризма господствующее положение официальной идеологии было поколеблено, а затем она и вовсе переместилась на периферию общественного сознания.

Восточнославянская версия модернизации не обошлась без присущих ментальности славян максимализма, нигилизма, экстремизма. К этому следует добавить разрушение собственной государственности, духовных ценностей, обесценивание исторического прошлого, обольщение эстетикой западного быта — все, о чем так глубоко писал В.Зеньковский в своей “Истории русской философии”. Страну, которую, по мнению некоторых ученых, можно отнести к особому цивилизационному типу, охватил “аномический ужас”, “страх перед хаосом и разрушением” (П.Бергер, Т.Лукман). “В конце тысячелетия голыми оказались и король, и королева, и государство, и гражданское общество, а их граждане — дети разбросаны ныне по самым различным приютам” [1]. Для тех, кто привычно называет трансформационные процессы в постсоветском пространстве модернизацией, полной неожиданностью оказывается мнение известного советолога, американского профессора С.Коэна, заявляющего, что “современная Россия — это страна, в которой 75% обнищали или близки к обнищанию, где сирот больше, чем после Второй мировой войны... это нищие государство, которому грозят голод, холод и разруха... мы должны говорить о беспрецедентном итоге: о буквальной демодернизации страны” [2]. В равной степени это касается и нашей страны. Украина и Россия, а именно они составляют предмет нашего анализа, не один год переживают масштабные изменения, многие из которых являются источниками потенциальных социальных травм (П.Штомпка). Вот только некоторые из них:

- радикальная экономическая реформа (национализация, приватизация и т.д.);
- распад империи;

- крах рынка, кризис фондовой биржи;
- разоблачение коррупции, правительственный скандал;
- открытие секретных архивов и правды о прошлом;
- ревизия героической традиции нации;
- религиозная реформация, новое религиозное пророчество и т.д.

И травмы не замедлили о себе заявить: anomия, цивилизационная некомпетентность, социальные трения, синдром недоверия, коллективное чувство стыда, кризис идентичности, кризис легитимности, культурный лаг [3]. Отчасти спасительной в этой ситуации оказалась традиция советского периода: дистанцирование от скомпрометировавших себя институтов (государственных, партийных и т.д.), отторжение навязываемых мировоззренческих и поведенческих стереотипов, навыки “внутренней эмиграции”, уход в межличностные отношения и сужение поля доверия до среды своего существования.

В этих условиях и происходит актуализация религии. Религия, как готовый к потреблению социальный институт, система жизненных ориентиров, более всего подходила к замещению изъятой и девальвированной марксистской идеологии. Как когда-то огромная православная страна перешла к системе светских верований, сакрализации партии, ее вождей и целей, вложив в этот процесс весь потенциал и навык религиозности, определяемые ее историческими и культурно-цивилизационными особенностями (анализ этого представлен у Н.Бердяева в его “Истоках русского коммунизма”), так и в конце XX века, в условиях гибели идеи коммунизма, неудовлетворенности длительным господством плоского материализма и эмпиризма, произошел резкий откат к религии, мистике, эзотерике. Вновь востребованными стали такие ценности, как Бог, нация и семья. “Исторические периоды неопределенности, — по словам Лестера Туроу, — всегда характеризовались подъемом религиозного фанатизма. Люди не терпят неопределенности, и многие ищут спасения в вере, когда неустойчивость физического бытия становится непереносимой. Люди спасаются от экономической неопределенности окружающего их реального мира в мире религии, который гарантирует им спасение, если они будут следовать предписанным правилам” [4, с. 207–208]. Непосильные темпы социодинамики, превышающие адаптивные возможности человека, заставляют в поисках выхода оборачиваться назад, в поисках корней и неких первоначал.

Модернизация общества замысливалась как переход от тоталитаризма к демократии, рыночной экономике и информационной свободе, а в основание этих процессов закладывались философские идеи современного западного либерализма, уже подвергшиеся серьезной критике со стороны таких теоретиков американского неоконсерватизма 80-х годов, как Кристалл, Низбеш, Белл, Новак, Белла, которые призывали к пересмотру традиционных либеральных ценностей в рамках концепции “морального индивидуализма” (Р. Белла). Надо признать, что на сегодняшний день часть либеральных ценностей успешно вошла в сознание граждан Украины. По данному опросу, проведенного Украинским институтом социальных исследований и Центром “Социальный мониторинг” в марте 1999 года, идеи создания правового государства, рыночной экономики, обеспечения свободы предпринимательской деятельности стали весьма значимыми. К этому можно добавить ценности представительской демократии, парламентариз-

ма, всеобщего избирательного права, независимого и гуманного судопроизводства, свободы печати и союзов. Уместно вспомнить, что либеральное сознание включает в себя также свободу от всех форм контроля и манипулирования, установление отношений рациональных, базирующихся на прагматических соображениях выгоды. Именно эти составляющие — рационалистический и индивидуалистический тип мышления и восприятие мира через призму частного интереса — вступили в противоречие с культурными и религиозными традициями, целями и ценностями, с национальным характером. Страну охватил кризис коллективной идентификации и самоидентификации, среди причин которого следует отметить и встречу культурных потоков традиционной и постмодернистской культуры. Общество практически мгновенно перешло в стадию крайнего нигилизма, все разрушающего отрицания, идеологического вакуума. В.Ворона, анализируя данные ежегодных мониторингов за последнее десятилетие, отмечает: “Доминантой массового сознания всех девяти лет независимости остается негативизм, который характеризуется тремя четкими эмоционально-оценочными “не”: недоверие, неудовлетворенность, неверие в будущее” [5].

“Природа не терпит пустот”, и их поспешили заполнить своими идеями десятки вновь образовавшихся политических партий, конфессий, неформальных движений и “пророков”: от неолиберализма до неофашизма, от “трансцендентальной медитации” до “Белого Братства”. В медиа-пространстве к огромной аудитории обращались “богословы” сомнительного толка, транслируя невежество, безграмотность и амбиции людей, не обремененных моральным сознанием. И именно эти годы дают самый высокий рост религиозности в Украине и в России. Чем объяснить удивительную нескритичность, доверчивость, открытость экзотическим ритуалам и неоязыческим практикам граждан некогда самого атеистического в мире государства, где семьдесят лет официальной идеологией был научный материализм? Только ли отсутствием навыков существования в плюралистической, полистилистической (Л.Ионин) культуре? Во многом это был результат психологического дискомфорта, сопровождающего ломку привычных стереотипов. Потребность иметь ориентиры во всех сферах бытия, во времени и мироздании (неудовлетворенность которой субъективно выражается в чувстве смятения и тревоги) приводит человека к философии и религии. Исследования Н.Паниной убедительно показывают, что уровень аномической деморализованности (в том числе и уровень тревожности) во всех возрастных группах остается очень высоким за весь период 1992–2000 годов [6]. Поразительную неразборчивость людей в потреблении духовных суррогатов можно объяснить чрезвычайно напряженной потребностью в самоидентификации. Глубочайший мыслитель русской религиозной философии Н.Лосский пишет по этому поводу: “Мир в целом стремится осуществить предельное богатство жизни; но этого мало, каждое живое существо, во всяком случае, каждый человек хочет быть участником этой полноты бытия и, насколько это возможно, воплотить ее в себе” [7].

Дискомфорт от утраты идентичности, стремление преодолеть хаос и смятение проявились в желании как можно скорее обрести новую коллективную и персональную идентичность, в готовом виде получить новую картину мира. Преимуществом религиозных идентичностей является то, что они были предложены для присвоения уже сформированными для

последующего воспроизводства. Религиозные комплексы не надо изобретать, они сложились и доказали свою эффективность в ходе долгой истории своего существования. Эти идентичности сохраняются в традиционных религиях тысячелетиями.

Однако массовое обращение населения к религии можно рассматривать и как результат инфантилизации в условиях невротизирующей жизненной среды, и как проявление патернализма, который находит в религии свою дополнительную каналлизацию (Богу доверяют все: и верующие, и неверующие). Добавим, что холодность, отчужденность либеральной модели проигрывала моделям религиозного сосуществования, часто выражающим себя в метафоре семьи — с присущими ей неформальными связями доверия, защитой и поддержкой, обещающим возврат утраченной солидарности. Как результат возник удивительный конгломерат различных религиозных систем. Коллективное и персональное сознание этого периода исследователи характеризуют по-разному, пытаясь описать его причудливый характер и деформированность: как расколотое, маргинальное, ложное, катастрофическое, патологическое, утопическое, иллюзорное, манипулируемое, амбивалентное и т. д. Все эти характеристики сознания можно свести к одной — парадоксальности [8], а общество, в котором оно функционирует, вслед за Е. Головахой и Н. Паниной, признать охваченным безумием [9].

Влияние секуляризации и культуры постмодерна на процессы актуализации религиозности

Для понимания религиозного ренессанса, переживаемого Украиной и Россией, а также культурно-цивилизационных стилей и манифестаций, имплицитно присутствующих в их социокультурном пространстве, но выразительно не артикулированных, следует отметить, что процессы эти происходят в контексте постмодернистской культуры, которая сформировалась в пределах западноевропейской цивилизации, и что европейский вектор развития нашими странами был выбран осознанно. Выделяя дискурсы постмодерна, его исследователи (Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Деррида и др.) подчеркивают фрагментацию экономической, политической и культурной сфер, которые конфликтуют между собой, ибо строятся на разных основаниях и принципах. Острая критика логоцентризма и фоноцентризма сопровождается призывами к их деконструкции. Парадигмальными становятся размывание культурных, эстетических, религиозных границ, опрокидывание ценностных иерархий, отсутствие вертикалей: возвышенное редуцируется до низкого, сакральное профанируется, профанное эстетизируется, патологическое обретает статус нормы. В эпоху постмодерна человек предстает во всей своей частности и случайности, самовластно наделяется правами и свободами, особенно правом жить без репрессирующей нормы. “Продается скорость и моментальное удовольствие... Личное потребление превозносится в качестве главной задачи, а самореализация — как единственная законная цель” [4, с. 221].

В этой общекультурной атмосфере религия, церковь представляются механизмами подавления личности, стремящейся к игре и эпатажу. Традиционные религиозные системы с их универсализмом, догматикой, иерархией и стилем признаются неприемлемыми, а соответствующими религиоз-

ному опыту современного человека считаются синкретические религии, эклектически komponующиеся из фрагментов рассеченных культурных и конфессиональных целостностей (например, религии “Нью-Эдж”). Обращаясь к анализу сознания современного верующего, мы увидим, как актуализируются эти установки, этот особый тип мышления и мироощущения. Сюда следует добавить развернувшуюся в XX веке всестороннюю секуляризацию, которая только усилилась в последнее десятилетие. Мониторинги всего мира фиксируют падение религиозности. Вот только некоторые примеры: в Германии процент людей, не принадлежащих ни к одной религии, с 1970 по 1998 год вырос с 2% до 25%, в Великобритании за период 1983–2000 годов — с 31% до 44% (при этом число приверженцев англиканской церкви упало за 17 лет на 40%). Такая же тенденция наблюдается в Азии: по данным опроса 1999 года, не относят себя ни к одной религии в Гонконге 64%, в Южной Корее — 46%, в Сингапуре, по данным переписи 2000 года, — 14,8%. Секуляризация — это широкомасштабный процесс ослабления, вытеснения, ограничения влияния религиозных институтов, замены религиозной системы ценностей светской. В гражданском обществе, где церковь отделена от государства (таких стран ныне большинство), гарантируется свобода совести и вероисповедания, проблемы религиозного выбора или отказа от религии становятся частным делом гражданина.

В такой ситуации меняется статус религии в обществе, она уравнивается с другими институтами и сферами общественной жизни, функционирующими автономно. Ограничивается ее роль во многих социальных процессах: она не участвует в процессе социализации, ибо выведена из системы образования, не согласовывает легитимации, разные по своим источникам, так как правовые институты и аппарат насилия не зависят от религиозных ценностей. Религия больше не обеспечивает социальную интеграцию и солидарность, интеграция на религиозной основе уступает место интеграции экономической, национальной, культурной, профессиональной. Украина — светское государство, и все сказанное имеет к ней прямое отношение. Следует отметить, что она долгое время находилась в зоне атеистического влияния на уровне официально заявленной государственной политики и, за исключением западного региона, в ней была прервана религиозная семейная традиция. Следовательно, едва ли можно ожидать, что религиозное сознание и ценности станут доминирующими, а авторитет Церкви в обществе — определяющим.

Что происходит, когда секуляризация достигает своего завершения? Видимо, следует ожидать на фоне сформированной религиозной толерантности широкого распространения “новой религиозности”, не признаваемой и противостоящей традиционным религиям и церквям. По мнению ряда ученых, новая волна ресакрализации неизбежна, ибо культура постмодерна беспомощна в ответе на вопрос о высших, неизменных, непреходящих ценностях, смысле жизни и истории. Известный исследователь Р.Белла считает, что секуляризация не приводит к ликвидации религии — религия обретает новые внеконфессиональные формы. Вне зависимости от конфессиональной принадлежности и даже религиозной самоидентификации, граждане в ходе опросов подтверждают веру в существование Бога, в жизнь после смерти, в наказание за грехи, в торжество справедливости. Мониторинги фиксируют группы, считающие себя верующими, рассматривающие

религию как необходимое условие существования, но при этом не участвующие в религиозной практике. Такого же мнения придерживается французский социолог Д.Эрвье-Леже, для которого секуляризация — это не исчезновение религии из социальной жизни, а процесс ее деконструкции и обретения современных форм функционирования. М.Хайдеггер, введя понятие “обезбожения”, подчеркивал: “Это выражение не означает... грубого атеизма. Обезбожение — двоякий процесс, когда, с одной стороны, картина мира расхристианизируется..., а с другой — христиане перетолковывают свое христианство в мировоззрение и таким образом соотнобразуются с новым временем” [10].

Конфессиональная карта страны: институциональная насыщенность и динамика роста

Итак, религиозный ренессанс происходит в условиях затянувшейся, малорезультативной модернизации, обрушившей страну в социальную апатию, негативизм, социальную патологию. Это — время перехода к плюрализму в различных сферах жизни общества, смены культурной моностилистичности полистилистичностью, столкновения традиционалистских ценностей с ценностями культуры постмодерна, которая, хотя локально и диффузно, начинает оказывать свое влияние. В это десятилетие особенно углубляется секуляризация западноевропейской цивилизации, влиянием которой открыта страна, выбравшая европейский вектор развития. Учитывая все это, можно перейти к социологической экспертизе религиозной ситуации в Украине. Здесь следует отметить, что несмотря на близость и родственность исходных условий, пусковых механизмов религиозного возрождения, конфессиональная карта, региональное своеобразие, динамика изменений, характер противоречий и конфликтов в Украине и России не совпадают. Мы обратимся к анализу процессов, происходящих в социорелигиозном пространстве Украины, чтобы дать обобщенную оценку ситуации и прояснить, насколько эмпирически подтверждается наличие религиозного ренессанса в Украине и в чем его своеобразие. Для этого мы воспользуемся, во-первых, статистическими данными Государственного Комитета по делам религии на декабрь 2000 года, а также мониторинговых исследований Института социологии НАН Украины за 1994–2001 годы и социологического опроса, проведенного в августе 2000 года Украинским центром экономических и политических исследований.

Предварительно отметим, что религиозная идентичность складывается через ряд процедур, образующих определенный ранговый ряд. Прежде всего, человек определяет себя как религиозного или нет, при этом основной показатель — вера в Бога. Затем происходит конфессиональное соотнесение, включение в конкретный религиозный комплекс, систему религиозных отношений. Идентичность закрепляется, если верующий становится членом референтной группы, то есть первичной религиозной общины (воцерковления), которое заключается в самопричислении к той или иной конфессии. При этом предполагается, что индивид приобретает религиозную компетентность, интериоризирует религиозные ценности и в своем поведении руководствуется соответствующими нормами. Анализ статистических данных подтверждает гипотезу о религиозном возрождении Украи-

ны. На 1 декабря 2000 года в стране получили официальный статус 25,1 тыс. религиозных организаций, 87 церквей, конфессий и течений, при этом 54 из них — христианские, что позволяет говорить об Украине, как стране христианской. Христианскими являются 23,5 тыс., то есть 97% всех религиозных общин. По сравнению с 1991 годом количество общин верующих увеличилось на 85,9% и, в основном, за счет христианских церквей и организаций. В последние три года наблюдалась достаточно высокая динамика роста — не меньше 7% в год. Отметим также, что из 239 духовных центров и управлений — 213 христианского направления. Сеть христианского духовного образования выросла за 8 лет в 7 раз, в ней обучаются ныне 16 тыс. будущих священнослужителей, количество христианских монастырей достигло 275, что в 5 раз больше, чем в 1991 году.

Стабильно развивают свои институциональные структуры православные церкви всех трех юрисдикций, протестантские союзы и объединения. Из христианских общин, зарегистрированных в 1992–2000 годах, 51,6% православного, 33,5% протестантского направления. Именно они доминируют в Центре (Винницкая, Днепропетровская, Житомирская, Киевская, Хмельницкая, Черкасская, Черниговская области и г. Киев) — 92,1% от всех первичных религиозных общин, 97 религиозных центров и управлений (по сравнению с 1992 г. рост в 2,8 раза), 89 монастырей, численность которых выросла за указанный период в 9 раз. На декабрь 2000 года тут действовало 41,8% всех православных парафий от их общего числа в Украине. Запад (Ивано-Франковская, Львовская, Тернопольская, Закарпатская области) остается регионом интенсивной религиозной жизни, насыщенным религиозными организациями — 41,3% всей церковной сети страны. Здесь действует 76 церковных управлений, 46 миссий, 15 братств, 148 монастырей (53,8% от общего числа). Анализ динамики изменений в религиозной сети региона показывает, что за 1992–1999 годы количество православных общин снизилось с 51,5% до 35,4%, греко-католиков — с 33,8% до 32,2% на фоне роста протестантских общин с 16,4% до 20,2% и постоянного показателя по римско-католической конфессии — 3,7%. Юго-восточный регион (АРК, Донецкая, Запорожская, Одесская, Сумская, Харьковская, Херсонская области, г. Севастополь) уступает по абсолютным показателям увеличения религиозной сети Центру, но также демонстрирует ощутимую динамику.

Что касается положения в православных Церквях Украины, то на декабрь 2000 года количество общин УПЦ составило 70% количества православных общин по всей Украине. Вчетверо выросло число монастырей — до 121, с 2 до 16 — духовных образовательных учреждений. УПЦ КП постепенно преодолевает положение региональной церковной организации и по количеству религиозных общин уступает только УПЦ МП и УГКЦ. Сеть религиозных общин УАПЦ сократилась на 467 единиц за счет перехода части верующих в подчинение УПЦ КП. За время легализации УГКЦ (осень 1989 года) церковь обновила свои структуры и превзошла довоенный уровень: рост со 138 общин до 3275, наличие 80 монастырей и 12 духовных образовательных учреждений. РКЦ включает 797 общин, 50 монастырей, 22 миссии, 3 братства и 6 духовных школ. Ареалом ее наибольшего присутствия стал центральный регион. Увеличивается количество протестантских общин. Темпы их роста — 139% — заметно превышают

прирост православных общин — 82,9%. В настоящее время удельный вес протестантских общин в государстве составляет 26,8%, тогда как в 1992 их было 20,9%. Кроме христианских конфессий полноту религиозной жизни страны дополняют: ислам 1,5%, иудаизм — 0,7% и неорелигиозные движения — 1,3%. Впечатляет развитие нетрадиционных для Украины новейших религиозных течений, причем более половины — 54,3% — их общего количества сосредоточено в юго-восточном регионе. Наиболее активны Новоапостольская церковь, церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормонов), Товарищества сознания Кришны, РУН вера.

Анализ показателей конфессионального пространства Украины и его динамики за последнее десятилетие позволяет говорить о его насыщенности религиозными институциями, активности верующих в создании своей конфессиональной сети, определить западный регион как центр религиозной жизни и, наконец, констатировать отсутствие единой доминирующей Церкви. Конфессиональная карта страны убедительно иллюстрирует тезис о религиозном плюрализме и фрагментированности Украины, насыщенности и многообразии ее религиозной жизни, что дало основания многим ученым первое десятилетие ее независимости назвать временем религиозного возрождения.

По данным мониторингов, динамика религиозности следующая: в 1994 году назвали себя религиозными 45,8%, не религиозными — 37,2%, не идентифицировали себя 16%. В 2001 году в качестве религиозных определили себя уже 54,2%, нерелигиозных — 31,7%, не идентифицировали — 14,1%. Несмотря на то, что пик роста религиозности обществом уже пройден (он пришелся на середину 90-х годов, когда государство провозгласило свободу совести и вероисповедания, перестало навязывать атеистическое мировоззрение), рост религиозности продолжается, хотя можно говорить об истощенности ресурсов стихийного обращения к вере. Очень высок авторитет религии и Церкви, особенно на фоне падения доверия к Президенту, Верховной Раде, правительству, политическим партиям. Респондентов, которые скорее “доверяют или полностью доверяют Богу”, в обществе больше, чем верующих: в 1994 — 61,2%, 2001 — 68,3%, среди нерелигиозных таких — 41,8%.

Сознание неопитов: не подтверждаемые идентичности, когнитивные диссонансы

Последствия секуляризации проявляются в популярности далекой от церковного учения концепции Бога. В сознании современного верующего все чаще можно обнаружить “Бога философов и ученых”: Высший разум, Абстрактный Дух. “Бог верующих”, который обладает всемогуществом и гарантирует посмертное существование, тоже перестает мыслиться как Личностный Бог, присутствующий в социальной жизни, имеющий прямое отношение к политике, социальной этике, быту. Индивидуализм, атомизация социальной существования порождает пиетизм, погруженность в свою частную духовную жизнь. Распространенными становятся представления о Боге как живой сущности (25%), высшей небесной силе (18%), невидимом сверхчеловеке (9%). Постмодернистские влияния проявляются в том, что для 7% опрошенных Бог — это Высший Разум, Абсолют, единство всех

энергий, Мировой Закон, а 2% определили Бога пантеистически, как всю природу. Такое понимание Бога не связано с догматическими представлениями какой-либо из мировых религий, тем более христианства. Видимо, провозглашаемая основной массой “религиозных” идентичность (христианство) не подтверждается, а конфессиональная самоотнесенность отождествляется с культурно-цивилизационной. По данным российских социологов, в России “православных” значительно больше, чем “верующих”. Эти данные свидетельствуют и о неопределенности, размытости религиозных представлений, неосведомленности относительно канонов веры.

Проявлением синкретизма, присутствия архаических и мистических элементов в сознании современного верующего можно назвать то, что в реинкарнацию (переселение души) верят 38% назвавших себя религиозными и 22% колеблющихся между верой и безверием. В группе “религиозных” в 2001 году доверяли астрологам 17,5%. Очень заметна тенденция к внеконфессиональной религиозности. Чрезвычайно высок процент респондентов, поддержавших тезис о том, что человек может быть просто верующим и не придерживаться какой-либо конкретной религии — 64,4%. Среди назвавших себя верующими таковых 58,1%, среди колеблющихся между верой и неверием — 82%. Не относят себя ни к одному вероисповеданию 16% респондентов, и 19% из них считают, что религиозные чувства могут быть удовлетворены без религиозных институтов. Впечатляет и число верующих, которые не относят себя ни к одной конфессии, которая отвечала бы их духовным исканиям. Считают, что верующий человек обязательно должен посещать религиозную службу, исполнять религиозные обряды и знать основы религиозного учения, только 17% опрошенных, и 24% — среди верующих, а противоположных взглядов придерживаются 27,9% респондентов и 21% — среди верующих. Признают Церковь необходимой для общения с Богом 53,2% верующих, а 12% — ограничиваются общением с Богом без посредников. К этому добавим, что моральный и социальный авторитет Церкви падает: в 1994 году среди опрошенных “скорее доверяли и полностью доверяли Церкви и духовенству” 35,6%, “скорее не доверяли и полностью не доверяли Церкви и духовенству” 27,3%; а в 2001 году доверяли 38,6%, не доверяли 29,7%. При этом, сознательно или неосознанно имитируя религиозность, в 2001 году в свободное время посещали церковь 86,1% религиозных, 5,4% нерелигиозных и 8,5% неидентифицированных. К сожалению, данные не позволяют судить о частоте посещений: раз в неделю или раз в год.

Эта информация ставит под сомнение силу и всесторонность влияния религии и церкви на жизнь социума, их статус как регламентирующей институции, ограничивающей вариабельность поведения и возможность менять поведенческие стереотипы, их способность быть системой ориентиров в мире, принимать участие в индивидуально-экзистенциальном проектировании жизни, в мобилизации людей для воплощения общественно значимых программ. По мнению некоторых исследователей, процент мотивируемых религиозными ценностями и нормами составляет 10–12% населения, причем в странах с разной религиозно-политической и культурной ситуацией. Небезынтересным является вопрос о том, насколько прочными и базовыми оказываются в структуре идентичности религиозные идентитеты у той группы верующих, которые успешно интегрировали религиоз-

ные ценности и нормы. В ответе на этот вопрос следует учесть регионализацию социорелигиозного пространства Украины. Там, где религиозность стала результатом первичной социализации как всестороннего и последовательного вхождения индивида в мир или отдельную его часть (П.Бергер, Т.Лукман), а это Запад и Центр Украины, она прочно укоренена в сознании, ибо «сопряжена с большой эмоциональной нагрузкой, идентификацией со значимыми другими, необходимостью авторитетности лиц, передающих ценности» [11]. Не случайно Запад Украины является центром религиозной жизни. Усвоение норм и ценностей в процессе вторичной социализации может также носить «чисто ритуальный характер в сочетании с отчужденностью и легально-рациональной мотивацией» [11]. По всей видимости, таков механизм обретения религиозности на Востоке и Юге страны. Что касается ресоциализации, процессы которой во многом сходны с первичной социализацией, то она носит ограниченный характер, так как сознание подавляющей массы населения не было антирелигиозным, оно было внерелигиозным.

Понятна заинтересованность и надежда политических элит на то, что религиозность населения спонтанно приведет общество к оздоровлению, преодолению аморализма и криминальности, понятно и желание бывшей партноменклатуры перейти от управления общиной идеологически-верующих к общине религиозно-верующих. Действительно, ценностные установки, будучи осмыслены, образуют мотивы социальной деятельности, политической и экономико-хозяйственной активности. Религиозные ценности могут стать явлением массовой психологии: либо питать социальный конформизм, либо стимулировать социальные конфликты. Но рассчитывать на это обществу, в котором аномия длится десятилетие, тотально аморальному, начиная с отношений «государство—гражданин» и заканчивая повседневными интеракциями индивидов граждан, едва ли возможно, и религия здесь не спасение. В том числе панацеей не является и протестантская этика, о которой так любят вспоминать люди, не читавшие М.Вебера сегодня, так же, как вчера, — К.Маркса.

Кальвинизм превратил христианство из мировой религии спасения всех людей в религию экономически и политически процветающей касты. Из кальвинистской версии христианства следует, что ни высокие нравственные качества, ни искренняя вера, ни следование религиозной практике не могут обеспечить христианину спасение. В сознании американского обывателя эта этика воплотилась в тезисе: если ты такой умный, покажи свои деньги. Такой, освободившийся от всех привязанностей человек рассматривает других людей как объект наживы, манипулирования, полностью сосредоточиваясь на экономико-техническом рационализме. «Это учение, — пишет М.Вебер, — в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколений, покорившихся его грандиозной последовательности, прежде всего один результат: ощущение неслышанного дотоле внутреннего одиночества отдельного индивида» [12]. Мало вероятно, что совсем в другом культурно-цивилизационном поле и других исторических обстоятельствах оно сработает. Интересно, что гражданское общество не теряет надежды на спасительность «реализации в общественной жизни христианских ценностей» и «расширения влияния православия». По данным мониторинга Украинского института социальных исследований и Центра «Социальный

мониторинг”, в марте 1999 года таковых среди респондентов оказалось 68% и 42% [13]. Таким образом, надежда, что религия может снять в гражданском обществе напряженную потребность в консолидирующей программе, носит утопический и наивно-романтический характер.

В заключение скажем, что Украина — страна, где доминируют традиционные для нее религии и церкви, существует численное, статусное и культуuroобразующее преобладание Православия, но актуализация религиозности, ее возрождение происходит в условиях системного кризиса, вторжения инородных культурных и религиозных систем. Поэтому христианские ценности, в конечном счете, слабо интериоризируются и не становятся основой мировоззренческих и поведенческих стереотипов.

Литература

1. *Кастельс М.* Могущество самобытности // Новая индустриальная волна на Западе. — М., 1999. — С. 297.
2. *Козн С.* Изучение России — без России // Свободная мысль. — 1998 — № 9–12 — С. 24.
3. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. — 2001. — № 1. — С. 6–16.
4. *Туруоу Л.* Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний // Новая индустриальная волна на Западе. — М., 1999. — С. 207–208.
5. *Українське суспільство: моніторинг 2000 р.* — К., 2000. — С. 6.
6. *Панина Н.* Молодежь Украины: структура ценностей, социальное самочувствие и морально-психологическое состояние в условиях тотальной аномии // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 1.
7. *Лосский Н.* Условия абсолютного добра. — М., 1991 — С. 48.
8. *Тощенко Ж.Т.* Метаморфозы современного общественного сознания: методологические основы социологического анализа // Социологические исследования. — 2001. — № 6. — С. 3–15.
9. *Головаха Е.И., Панина Н.В.* Социальное безумие: история, теория и современная практика. — К., 1994.
10. *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления. — М., 1993. — С. 42.
11. *Попова И.* Социологический подход к изучению легитимности и легитимации. К постановке проблемы // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2000. — № 3. — С. 31.
12. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. — М., 1973. — С. 17.
13. *Мищенко М.* Особенности восприятия идеологией приверженцами различных политических течений // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2000. — № 3. — С. 42–50.